

смерти. Таким образом, мир Зазеркалья преобразовывается в вечность, преодолевая преграды и страхи. Поэтому у А. Тарковского Зеркало — проявление Вечного закона, хранитель пути к овладению временем, освобождению и обретению своего места в гигантских циклах мироздания. Тем удивительнее особенность поэта представлять Зеркало как неотъемлемую часть человеческого жилища, настолько важную, что иногда оно (Зеркало) само становится домом:

В дом вошел я, как в зеркало, жил наизнанку,
Будто сам городил колченогий забор,
Стол поставил и дверь притворил спозаранку,
Очутился в коробке, открытой во двор.

(Дом, 1, с. 32)

Здесь Тарковский будто не желает замечать ирреальности, перевернутости отражения по другой причине. Отождествляя Зеркало с бытийностью земного дома, поэт обыгрывает особенность, присущую и первому, и второму — замкнутость, ограниченность пространства. *Коробка* возникает как субъект сравнения. В творчестве Арсения удивительным образом сосуществуют противоположные точки зрения на предмет отражения. У него Зеркало выступает то в образе границ не имеющего, то в качестве закрытого пространства с одним лишь выходом — в ограниченный *колченогим забором* двор. Так, вступая в противоречие с самим собой, поэт утверждает позицию невозможности наличия адекватной реакции на мир, который, как Зеркало и Луна (светящая отраженным светом), — многозначный и сложный, связанный со всем скрытым, тайным, ушедшим в подсознание и являющимся всего лишь отражением внешних сил.

Таким образом, Зеркало — это даже не выбор, это намек на невозможность употребления в процессе жизни слов *реальность, объективность, верность, безотносительность* и пр. по причине отсутствия понятий им соответствующих.

Литература

1. Тарковский А. Собрание сочинений. — М., 1991. — Т. 1.
2. Тарковский Арсений. Избранная лирика. — Ростов-на-Дону, 1998.

Д. Зылевич (Минск)

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ МОТИВЫ В СТИХОТВОРЕНИИ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА «ТРИ ПАЛЬМЫ»

Стихотворение «Три пальмы» получило в русском литературоведении большое количество отзывов и интерпретаций. Во всем разнообразии толкований можно выделить несколько основных направлений, в которых утверждается, что данное стихотворение о противопоставлении природы и человека (Б. М. Эйхенбаум, В. Ф. Саводник, Н. Ф. Сумцов, Л. П. Семенов); о жажде деятельности (Э. Э. Найдич); о судьбе людей, народов (Е. А. Маймин); о душевном состоянии (А. А. Потебня, В. Брюсов); о проявлении гордыни (А. Д. Жижина); о смысле жизни (Б. Т. Удодов, Е. Эткинд). Безусловно, в стихотворении тесно переплетены все эти темы и мотивы, но главной, на наш взгляд, является тема смысла (или бессмысленности?) жизни.

Прекрасные пальмы одиноко растут в пустыне и мечтают о том, чтобы стать,

наконец, нужными. Бесплезное существование чуждо им:

И стали три пальмы на бога роптать:

«На то ль мы родились, чтоб здесь увядать?»

Без пользы в пустыни росли и цвели мы,

Колелемы вихрем и зноем палимы,

Ничей благосклонный не радуя взор?..

Не прав твой, о небо, святой приговор!» [М. Ю. Лермонтов 1961, Т. 1: 454]

Таким образом, пальмы жаждут деятельности. В этом они видят смысл своей жизни. А небо посылает им смерть. Вот он, абсурд мироустройства: желание сделать добро остается непонятым, непринятым и, главное, наказывается. У М. Ю. Лермонтова очень часто герои, влекомые "жаждой бытия", напряженно ищут контакта с миром, стремятся к деятельному общению с ним, но наталкиваются на безответность, или обман, или наказание. Трагедия часто становится законом жизни.

После долгих лет томительного ожидания пальмам как будто улыбнулось счастье, но тем трагичнее оказывается конечный исход — неожиданная гибель, смерть вместо благодарности за содеянное добро, за бескорыстную самоотдачу. Чередование долгого "незвезения" с мгновением удачи и счастья, которое завершается полным крушением и катастрофой, характерно для судьбы большинства лермонтовских героев. Так было с Демоном, Мшьри, Вуличем, Печориним... Душа героя поначалу открыта всему миру, стремится навстречу добру и счастью, а сталкивается со злом, обманом, неблагодарностью — людей, судьбы, Бога (вспомним слова из исповеди Печорина: «Я был готов любить весь мир, меня никто не понял...» [М. Ю. Лермонтов 1962, Т. 4: 405]). Три пальмы, едва дождавшись жизни новой, преодолев, наконец, бесплодность, бессельность своего одинокого существования, тут же гибнут. Хотя смерть пальм нельзя назвать бессмысленной: вечер и ночь они служили людям. Но это миг для "питомцев столетий".

Понятие мгновения характерно для экзистенциалистов. Для датского мыслителя, родоначальника экзистенциализма Кьеркегора, например, мгновение — это сущее. Только в нем можно реализовать свою «самость», свою индивидуальность. В мгновении соединяются время и вечность. Мгновение может выступать даром Бытия и концентрацией абсурда. Эти два противоположных значения и реализуются в стихотворении «Три пальмы»: с одной стороны, героини принесли пользу, с другой — они бесследно исчезли. И так, годы томительного ожидания для пальм сменились мгновениями счастья и гибелью, превращением в Ничто. Пальмы стали средством удовлетворения сиюминутных потребностей проходящего каравана. Может, в этом и был смысл их существования на земле — в их смерти? Однако с исчезновением пальм стало очевидно нарушение гармонического равновесия в природе. Была «куща зеленая», а стало «все дико и пусто кругом». Может, они были призваны оставаться островком жизни в аравийской земле, беречь ручей от ветра и солнца, воплощать гармонию природы?

М. Ю. Лермонтов показал столкновение своих героинь с законами бытия, скрытыми от их духовного взора, выходящими за пределы их понимания. В этом поэт близок к экзистенциалистам, полагающим, что все попытки интеллекта постичь тайну Бытия всегда оказываются безуспешными.

Однако герои М. Ю. Лермонтова не смиряются с непознаваемостью мира. Поиск цели у поэта имеет ценность не с точки зрения ответов, этим поиском лермонтовские герои утверждают высокий смысл самого стремления к познанию, право каждого знать последнюю тайну мира и самого Бытия.

Литература

1. Гончаров В. И. Экзистенциальные мотивы в классической литературе. — Мн., 1999
2. Жижина А. Д. Стихотворение М. Ю. Лермонтова "Три пальмы" // Русская речь — 1978. — № 5.
3. Коровин В. И. Творческий путь М. Ю. Лермонтова. — М., 1973.
4. Кьеркегор и современность. — Мн., 1996.
5. Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 4 т. — М.; Л., 1961. — Т. 1; 1962. — Т. 4.
6. Лермонтовская энциклопедия / Гл. ред. В. А. Мануйлов. — М., 1999.
7. Потегия А. А. Из лекций по теории словесности // Эстетика и поэтика. — М., 1976.
8. Удодов Б. Т. М. Ю. Лермонтов. Художественная индивидуальность и творческие процессы. — Воронеж, 1973.

Ю. А. Гурская (Минск)

ЛИНГВО-КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОЭМЫ Н. КЛЮЕВА «ПЛАЧ О ЕСЕНИНЕ»

Поэма "Плач о Есенине" была написана Н. Клюевым в 1926 г. через год после смерти С. Есенина. Безысходная боль, страстный вопль, трагическое восприятие своего времени отразились в поэме. Произведение многослойно, ориентировано как на старинные фольклорные жанры (погребальный плач, загадки, подблюдные песни), так и на литературные (летопись, неканоническая легенда, апокриф). В нем присутствуют "тексты в тексте", широко представлены реминисценции из Библии; нетрудно заметить также отсылки к произведениям С. Есенина. Различные мифологии (славянская, античная, христианская), литературные источники накладываются друг на друга, создавая сложный вертикальный контекст. Наиболее значимыми сигналами вертикального контекста оказываются имена собственные, которые распадаются на следующие семантические поля: 1) имя и фамилия поэта, которому посвящена поэма — *Сергеенка, Сергеюшко, Есенин*; 2) имена, относящиеся к различным мифологиям: а) персонажи русского фольклора — *Настенька*; зловещие птицы, приносящие несчастье, — *Чиря, Грызья, Подкожица, Удавница*; б) христианские святые *Влас, Медост*; в) библейские имена — *Иуда*; 3) имена исторических личностей — *Василек, князь Ростовский, Михайло Тверской*; 4) топонимы — *Рязань, окк. бабка-Рязань, Кубань, Московская Русь, Золотая Орда*; 5) названия православных христианских монастырей — *Афон и Саров*; 6) имена, выявляемые только на уровне вертикального контекста — *Св. Николай Угодник, Карачун, Соловей разбойник*.

Обратимся к тексту поэмы. Как видно из заглавия (сильная позиция текста), поэма ориентирована на древнейший фольклорный жанр — плач (причеть). По словам исследователей, плач как категория культуры является универсальной формой поведения во всех системах переходного характера, — с рождения до смерти [1, с. 12]. Кроме того, плач — излюбленный жанр Н. Клюева. К примеру, известная поэма «Погорельщина» интерпретируется многими исследователями как погребальная песнь по России — мифологической «Белой Индии».

В композиционном отношении текст делится на семь смысловых частей. Это число имеет религиозно-мистические коннотации, а также соотносится с 7-частной структурой погребального обряда¹. Две обрамляющие части (I—VII) объединены образами

¹ Некоторые исследователи выделяют 8 частей [см. 9].